

Два божественных создания — художник Андрей Бартенев и драматург Тонино Гуэрра — рисовали вместе. Бартенев — как божество по жанру. Тонино Гуэрра — как кинобог по статусу.

УРОК РИСОВАНИЯ

Яна ЖИЛЯЕВА

В мастерскую влетели двое, закутанные по самые уши. Из одной трикотажно-меховой композиции высвободилась огненно-рыжая женщина Лора — русская муза и многолетняя спутница Гуэрры. Из рыжей куртки с мехом на капюшоне сначала появилась ленинская твидовая кепка, потом — маленькие седые усы, три свитера с шарфом, и наконец — сам столп неореализма, создавший сценарии для Антониони, Висконти и Феллини, — Тонино Гуэрра.

— Я с детства читал ваши книги, — восторженно начал Андрей.

— Молодой человек, я видел ваш каталог в Италии, — отвесил ответный комплимент Тонино. — Это безумие глаз. Вот пришел теперь сам посмотреть на ваши работы... Когда мы с Антониони снимали «Блу ап», то первым делом в Лондоне познакомились со всеми художниками. И я теперь всегда так поступаю, — перевела Лора.

Подход Гуэрры оказался деловым. Ни минеральной воды, ни мандаринов. Он сел в кресло, а все вокруг остались стоять у стола с бартеневскими работами.

— Мы пришли говорить об искусстве. Будем говорить об искусстве, — решительно заявил Тонино. — Вот я вижу пастели. А какими пастелями вы рисуете? Я тоже их использую. Но только определенной фирмы, — заявил Гуэрра.

Пока Бартенев бегал за коробками, где все краски оказались «смешай, Господи», Гуэрра изо-

бразил хозяина мастерской в шапочке у кальяна на фоне восточной луны.

— Тониночка! — закричала тут Лора, — ты посмотри, какое красивое облако.

Все кинулись к окну, чтобы увидеть розовый закат, кольцо автомобилей внизу и большое, будто ватное, облако.

— Лорочка! Очень красиво, но только найди мне маленькие ножницы, а то я сломал ноготь, пока рисовал, — попросил Гуэрра. — Я такой человек — всегда говорю то, что думаю. Мне нравятся ваши работы. Черно-белая серия, пожалуй, даже интереснее цветной. А эти конструкции для перформансов выглядят просто восхитительно.

— Выставку «Снежная королева», — объясняет Андрей, — мы делали специально для Лондона. Все эти конструкции работали, двигались, раскачивались. Но дети так активно катались на экспонатах, что уже почти через неделю механизмы сломались.

— Привезите в Италию, сделайте выставку у нас, — предложила Лора.

И тут выяснилось, что самый жизнерадостный московский художник, оранжерейный любитель света и тепла, никогда не был в Италии.

— О-о-о! — только и смогли сказать Лора и Тонино вместе.

— Неаполь — вот куда вам немедленно нужно отправиться, — решительно заявил Тонино. — Это место, где начинается юг Италии. Я сам впервые там побывал, когда работал над филь-

мом «Брак по-итальянски». Мы зашли в привокзальное кафе, заказали два кофе и два «подвешенных», потом зашли три женщины, выпили три кофе и два «подвешенных», снова пришли посетители и снова заказали «подвешенный» кофе. Я уже решил, что схожу с ума. Но тут на пороге появился нищий и спросил: «Нет ли у вас «подвешенного» кофе?»

Недавно я изучал старинные справочники, — продолжил Тонино. — Там описаны совершенно изумительные профессии. Например, как вы думаете, чем зарабатывал в базарный день человек в просторном длинном плаще с медным горшком в руках? Это был человек-туалет! Сейчас, конечно, туалеты вымерли, но много чего интересного еще осталось.

Недавно на перроне, когда я ждал поезда, ко мне подошел человек и вежливо спросил, что я думаю о последних перестановках в футбольной команде. Потом он заговорил о Берлускони. Потом сказал: «Но «Виагра» — величайшее открытие века». Тут подошел мой поезд, и я поспешил уйти, бросил ему: «Спасибо, приятно было побеседовать». «Как, — оскорбился человек, — я 20 минут развлекал вас разговором только за спасибо?!» Это оказался «приятный» собеседник — очень распространенная профессия на юге.

С виду Неаполь — обычный город. Но идешь-идешь — и вдруг видишь надпись: «Больница для кукол».

— Ой! — простонал Бартенев. — Как мне это нравится. А мы бы открыли «Больницу для левой ноги».

И тут начался сеанс примерки таких ненужных, но прекрасных украшений от Бартенева. Сам Тонино ничего прицеплять не стал, но посоветовал Лоре примерить ярко-зеленого жирафа. Такой жираф плотно садится на плечо, а хвостиком-держалкой цепляется за шею. С огненными Лоринными волосами получился прекрасный контраст. Гуся Андрей показывал на себе. Набрюшник из папье-маше с изогнутой птичьей шеей сделал его похожим на склочного рышара. Но Гуэрра был ироничнее в оценках: «Ох, Андрей, желание быть беременным — это так естественно».

А потом и вовсе принялся шу-

тить, поглаживая свою седую, но весьма пышную шевелюру, на тему лысеющих мужчин. Досталось и Бартеневу, и Феллини. Тонино вспомнил, как в Лондоне маэстро мечтал попасть в тайскую клинику, где якобы совершали чудеса возвращения волос. Но на приеме его встретил доктор в парике. Неприлично выругавшись, разочарованный Феллини дал деру из клиники.

На прощание и Бартенев осмелился на откровенное воспоминание:

— Я в детстве читал вашу книгу, но не успел прочесть — ее украли.

— Ничего, — утешила Лора, — приедете в гости, у нас и дочитаете, — и с беспокойством заметила, что дома ее ждут 20 кошек.

— Я даже не успеваю со всеми знакомиться, — пожаловалась Лора. — Откуда они приходят, ума не приложу.

183

142